

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: “ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИУДАИКА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ”

ЭО, 2009 г., № 6

© Е.Э. Носенко-Штейн

ВВЕДЕНИЕ: АНТРОПОЛОГИЯ И ИУДАИКА – ВОЗМОЖЕН ЛИ СИМБИОЗ?

Ключевые слова: этнография, социокультурная антропология, иудаика, евреи

Предлагаемая вниманию читателей подборка статей – явление уникальное в отечественной антропологии. Впервые на страницах академического журнала в России появился целый “блок”, посвященный разнообразным проблемам иудаики (в данном случае, что вполне естественно, ее этнографическим и антропологическим аспектам). Причины столь позднего внимания академического сообщества к изучению этнографии и антропологии евреев в России довольно много. О некоторых из них мне, как и другим исследователям, уже приходилось писать (Носенко 2006, 2007; Львов 2008).

Одна из причин редкого обращения ученых, специализирующихся в области иудаики, к антропологическим аспектам этой совокупности дисциплин, коренится в ошибочном и до сих пор еще в некоторой степени распространенном взгляде на антропологию как на науку, “изобретенную” специально для изучения так называемых примитивных народов. Как явствует из дискуссии, которая состоялась на эту тему в журнале “Диаспоры” (2007) и в которой приняли участие многие известные ученые, именно такое понимание антропологии – как исключительно описательной дисциплины, занимающейся народной культурой и фольклором, до сих пор превалирует среди ряда специалистов в области иудаики. Указанный подход особенно распространен в России, где этнография долгое время находилась под воздействием школ и течений, сложившихся еще в XIX в., особенно в Германии. Поэтому в советское время она мало напоминала то, что в Западной Европе и США получило название социальной и культурной антропологии.

В постсоветской России мы наблюдаем разнообразные попытки “вливать новое вино в старые меха” отечественной этнологии и антропологии, и в ряде случаев отдельные направления и в самом деле получили новый импульс к развитию. Однако этого оказалось, очевидно, недостаточно, чтобы изменить к лучшему отношения между антропологией и иудаикой.

Научное изучение разных аспектов еврейской культуры началось в XIX в., хотя некоторые направления, например библейская критика, возникли раньше. В 1820-е годы в Германии сложилась так называемая наука о еврействе (Wissenschaft des Judentums), первоначально бывшая наукой преимущественно об иудаизме. На первых порах она включала библейскую критику и историю еврейского народа (особенно в древности

и средневековье) и использовала методы, апробированные европейской наукой того времени. Чуть позже в Восточной Европе появилось сходное научное направление – Хохмат Исраэль (Мудрость Израиля); ученые, к нему принадлежавшие, писали свои труды на иврите. Вскоре наука о еврействе (или, как ее тогда еще называли, иудаистика) получила распространение во всех крупных европейских научных центрах. Это была совокупность дисциплин, включавших библеистику, изучение Талмуда и других еврейских текстов античного и средневекового периодов, историографию и археологию, еврейские языки и литературу, историю еврейского народа различных эпох, а также еврейскую философию и право. Именно они стали “ядром” современной иудаики (Jewish Studies).

На рубеже XIX–XX вв., под воздействием многих исторических событий, в том числе оформления политического антисемитизма, возникновения сионизма, многих противоречивых явлений в общественной жизни, усиливается внимание представителей науки о еврействе к современным тенденциям в жизни еврейского общества. Появляются исследования об экономическом положении, демографических процессах, политических и социальных изменениях в еврейских общинах Европы. Кроме того, стремление к тому, что тогда называли “национальным возрождением”, стимулировало усиление интереса к еврейской этнографии и фольклору, особенно в Восточной Европе. Тогда же начались научные изыскания в еврейском ишув в Палестине/Эрец-Исраэль, где в 1920-е годы возникает новый центр науки о еврействе. Появилось огромное число работ о положении евреев в различных странах мира, в том числе об изолированных группах (йеменских евреев, самаритян, фалашей и пр.). После Катастрофы европейского еврейства и создания Государства Израиль (1948 г.) в иудаике возникли новые направления: изучение Холокоста, а также истории и культуры Израиля (Israeli Studies) – израилеведение; причем последнее выделилось в самостоятельную дисциплину.

В настоящее время Jewish Studies заняли достойное место во многих крупных университетах и научных центрах Европы, США и некоторых других стран. Число научных периодических изданий, специально посвященных различным аспектам иудаики, весьма велико. Хотя у истоков науки о еврействе стояли преимущественно еврейские ученые, но в дальнейшем большой вклад в ее развитие вносят исследователи разной этнической и национальной принадлежности. Иудаика прошла длительный и сложный путь, испытала влияние различных философских идей и научных школ, а также разнообразных внешних факторов, включая трагические события еврейской истории. Но при всем разнообразии дисциплин, которые в наши дни входят в понятие “иудаика”, изучение истории, философии, языков и литературы занимает в ней ведущие позиции. Правда, в последние годы в программах ряда центров и фондов появился раздел Social Sciences, куда, как правило, относят социологию, политологию, экономику. Что же касается антропологии, то она по-прежнему находится на положении “бедной родственницы”.

В России иудаика, как научное направление, возникла сравнительно поздно, в конце XIX – начале XX в. Ее центром был Санкт-Петербург, где усилиями молодых интеллигентов, озабоченных идеями национального возрождения и сохранения историко-культурного наследия российского еврейства, был создан кружок по изучению еврейской истории. Из этого кружка (впоследствии преобразованного в Историко-этнографическую комиссию) выросло знаменитое Еврейское историко-этнографическое общество, которому за короткий срок (с 1908 по 1917 г.) удалось сделать поразительно много. Если говорить об этнографии, то в 1912–1914 гг. под руководством С. Анского были проведены этнографические экспедиции в черте еврейской оседлости, а также созданы еврейский музей и архив, налажен выпуск научного периодического издания “Еврейская старина” и др. (подробнее о развитии иудаики в России см.: Лукин 1993; Ганелин, Кельнер 1994; Safran, Zipperstein 2006; Львов 2008).

В СССР исследования в области иудаики были сначала “переориентированы” на изучение еврейского рабочего движения и языка идиш, а затем, с середины 1930-х годов, практически полностью свернуты. Немногие оставшиеся центры и кафедры были закрыты, музеи и архивы расформированы, а специалисты подвергались репрессиям (подробнее см.: *Ганелин, Кельнер* 1994). В эпоху “застоя” существовали подпольные кружки по изучению иврита, еврейской истории, философии и пр., но по вполне естественным причинам они не могли заменить академические изыскания. В самом начале 1980-х годов под эгидой редакции выходившего на идише журнала “Советиш Геймланд” была создана Историко-этнографическая комиссия, ставившая своей целью изучение историко-культурного наследия советских евреев. Впрочем, легально комиссия просуществовала очень недолго, но несколько лет спустя многие ее члены стали основателями центров, где начали, наконец, профессионально изучать и преподавать иудаику. Другим своеобразным “центром притяжения” были знаменитые конференции по этнографии Петербурга – Ленинграда, проходившие с 1970-х годов; их вдохновителем была замечательный советский этнограф Н.В. Юхнева. В рамках этих чтений и конференций затрагивались также проблемы этнографии евреев Петербурга, что для того времени было более чем необычно (подробнее об истории этих конференций, списки докладов и литературу см.: *Этнография Петербурга – Ленинграда* 2004). В целом до конца 1980-х – начала 1990-х годов в СССР было в принципе невозможно на серьезном научном уровне проводить научные исследования, в том числе антропологические, в области иудаики.

После перестройки ситуация изменилась. В 1990-е годы были созданы университеты и центры, где изучали многие направления в иудаике и готовили соответствующих специалистов (*Лихачев, Федорчук* 2004; *Носенко* 2006). При этом акцент во многих центрах по-прежнему делался на изучение языков, истории, литературы и публикацию классических текстов. Здесь уместно привести высказывание А. Эпштейна и Г. Меламедова: «При всех положительных сторонах “еврейского ренессанса” в России в последние пятнадцать лет, нельзя не обратить внимания на то, что целый ряд острых и злободневных для еврейской жизни тем до сих пор не получил адекватного отражения на страницах многочисленных общинных газет и журналов» (*Эпштейн, Меламедов* 2004). Добавлю: и изданий, претендующих на звание научных. Причин, приведших к такой ситуации, несколько. Так, центры и кафедры, где готовят специалистов в области иудаики, уделяют мало внимания антропологии, социологии, кросскультурным исследованиям и т.д. Более того, дискуссия по данному вопросу на страницах журнала “Диапоры” (2007 г.) показала, что многие специалисты в области иудаики нередко понимают антропологию очень странно: то ли как краеведение, то ли как френологию, то ли исключительно как традиционную этнографию. Последней же отнюдь не исчерпывает содержания современной социокультурной антропологии. “Антропология – это не этнография” – таково очень характерное название публичной лекции памяти В. Рэдклиф-Брауна, прочитанной в Британской Академии профессором Абердинского университета Т. Инголдом (*Ingold* 2007). В этом контексте также показательно, что наиболее содержательные и глубокие статьи-отклики на эту тему были написаны не российскими, а израильскими учеными Ю. Лернер и А. Эпштейном (*Лернер* 2007; *Эпштейн* 2007).

И хотя в последние годы в области “этнографической иудаики” появился ряд интереснейших работ (О. Беловой, В. Дымшица, М. Каспиной, М. Куповецкого, А. Львова, А. Соколовой и др.), приходится повторять, что антропология – не только изучение народных обычаев и фольклора. Впрочем, и в этой области, например, изучении городского фольклора, социокультурных аспектов положения евреев в современной России, сделано досадно мало.

Антропология, безусловно, могла бы занять достойное место в изучении многих животрепещущих проблем. Да и не только их – антропологические исследования

охватывают день сегодняшний и день минувший, теорию и практику. Поэтому исследований, посвященных многим актуальным проблемам иудаики, в России появляется не так уж много, и, как правило, появляются на страницах изданий, не имеющих, так сказать “национальной окраски” (журналы “Диаспоры” “Ab Imperio”, “Восточная коллেকция”, в меньшей степени – “Этнографическое обозрение”).

Можно было бы еще долго говорить о том, чего не сделано. Вместе с тем, не желая быть необъективной, укажу, что в отечественной иудаике сделано немало и на хорошем уровне. И все же мне вновь и вновь приходится повторять: если, по мысли К. Вердери, в отечественную славистику антропологию приходится возвращать, то в нашу иудаику антропологию, похоже, следует активно вводить, ведь достойного места она в ней никогда не занимала (*Носенко* 2006).

Антропология чрезвычайно гибка и многогранна, она использует самые разные подходы. Применяемые ею методы – и в этом их большое преимущество – дают возможность представить качественные модели изучаемых явлений и процессов, ответить на вопрос, как и почему то или иное явление протекает. Именно поэтому необходимо как можно шире “внедрять” антропологию, а также социологию, социальную и кросскультурную психологию в отечественную иудаику. Никто не отрицает важности и необходимости изучения классических еврейских текстов, семитских языков или Библии. Но по меньшей мере странно, что отечественная иудаика мало откликается на многие жгучие вопросы, волнующие современное общество. К таковым можно отнести социокультурный “профиль” российского еврейства, конфессиональные характеристики, проблемы смешанных браков, этнокультурной идентичности и многое другое. Почти не изучен современный городской фольклор, молодежная и иные субкультуры, формирование различных стереотипов – этнических, конфессиональных, гендерных и многих иных. По контрасту изучению этих и многих других проблем за рубежом, особенно в США и Израиле, уделяют гораздо больше внимания, хотя и здесь в иудаике наблюдается традиционный “перекос” в сторону традиционных для нее дисциплин, о чем свидетельствуют программы любых международных конференций и конгрессов по иудаике.

Другая причина подобного “диссонанса” в отношениях иудаики и антропологии, по-видимому, кроется в недостаточном внимании к подготовке соответствующих специалистов в вузах и академических институтах. Причем подготовки обоюдной. Если на кафедрах и центрах иудаики не готовят специалистов-антропологов, то и в академических институтах и центрах, где проводятся антропологические исследования, нет структуры, которая занималась бы планомерными исследованиями в области иудаики. Насколько мне известно, ни в одном академическом институте нет отдела, группы или иного подразделения, где изучали бы социокультурные проблемы еврейского народа и готовили бы соответствующих специалистов. Дело даже не в явном или латентном неприятии “еврейских штудий” отдельными руководителями таких структур и академических журналов или проникновении антисемитских высказываний на страницы академических изданий (подробнее см.: *Шнирельман* 2004, 2005). И не только в том, что, по довольно резкой, но, увы, во многом справедливой оценке К. Вердери, некоторые университеты и научно-исследовательские центры в постсоветских странах стали ощущать себя “настоящими западными учреждениями”, а не “болотами, где догнивают академические структуры эпохи социализма” (*Verdery* 2005). Возможно, недостаточное тесное “сотрудничество” иудаики и антропологии объясняется всей совокупностью названных мной причин – и не только ими. Но это предмет отдельного разговора.

Предлагаемые читателям “Этнографического обозрения” статьи отражают многие сильные стороны отечественной иудаики. Это попытка осмыслить место еврейской культуры и самого еврейства в рамках цивилизационного дискурса (М.А. Членов), обращение к историко-культурному наследию российского еврейства (А.В. Соколова,

С.Я. Козлов), изучение региональных еврейских групп (М.С. Куповецкий) и так называемых иудействующих (А.Л. Львов), а также исследование некоторых проблем современности (О.В. Белова и автор этих строк). В этой подборке нет некоей объединяющей идеи, если не считать таковой ключевое слово “евреи”. Это, как я уже говорила, первая попытка вынести на суд академического сообщества то лучшее, что делается в отечественной иудаике в области этнографии и культурной антропологии.

Литература

- Ганелин, Кельнер 1994 – Ганелин Р.Ш., Кельнер В.Е. Проблемы историографии евреев в России. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. // Евреи в России: Исторические очерки. М.; Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 1994. С. 183–249.
- Лернер 2007 – Лернер Ю. Антропология на службе еврейской исключительности? // Диаспоры / *Diasporas*. 2007. № 1–2. С. 221–224.
- Лихачев, Федорчук 2004 – Лихачев В., Федорчук А. Высшее образование в области иудаики на постсоветском пространстве // Евреи Евразии. Киев: Информационно-аналитическое издание Евро-Азиатского еврейского конгресса, 2004. № 3.
- Лукин 1993 – Лукин В. К столетию образования петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России: Тр. по иудаике. Сер. “История и этнография”. Вып. 1 / Под ред. Д. Эльяшевича. СПб, 1993.
- Львов 2008 – Львов А. Штетл в XXI в. и этнография постсоветского еврейства // Штетл. XXI век. Полевые исследования / Под ред. В.А. Дымшица, А.Л. Львова, А.В. Соколовой. Петербург: Европейский университет в Петербурге, 2008. С. 9–26.
- Носенко 2006 – Носенко Е. Найдет ли антропология свое место в российской иудаике (размышления о роли некоторых социальных и гуманитарных наук) // Диаспоры / *Diasporas*. 2006. № 4. С. 218–233.
- Носенко 2007 – Носенко Е. Еще раз об антропологии, иудаике и их взаимоотношениях (ответ моим оппонентам) // Диаспоры / *Diasporas*. 2007. № 1/2. 2007. С. 238–246.
- Шнирельман 2004 – Шнирельман В. Интеллектуальные лабиринты: Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004.
- Шнирельман 2005 – Шнирельман В. Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). М.: Academia, 2005.
- Эпштейн 2007 – Эпштейн А. Проблемы развития иудаики и израилеведения на русском языке: полемические заметки // Диаспоры / *Diasporas*. 2007. № 1/2. С. 228–237.
- Эпштейн, Меламедов 2004 – Эпштейн А.Д., Меламедов Г. О национальных проблемах без самоцензуры. Обзор статей “еврейского” номера независимого научного журнала “Диаспоры” (№ 3 за 2004 г.), – помещен на сайте: <http://www.oranim.ac.il/echo>
- Этнография Петербурга – Ленинграда 2004 – Этнография Петербурга – Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004 / Сост. и отв. редактор Н.В. Юхнёва. СПб.: МАЭ, 2004.
- Ingold 2007 – Ingold T. Anthropology is not Ethnography // *British Academy News Bulletin*. 2007. 7 April. (Лекцию также можно прослушать на сайте <http://britac.studyserve.com/home/Lecture.asp?ContentContainerID=123>)
- Safran, Zipperstein 2006 – The World of S. An-sky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century / Ed. G. Safran, S.I. Zipperstein. Stanford University Press, 2006.
- Verdery 2006 – Verdery K. Bringing Anthropologists (Back) // *NewsNet. News of the American Association for the Advancement of Slavic Studies*. 2006. Vol. 46. № 1. С небольшими сокращениями доклад был опубликован в журнале “Ab Imperio” под названием “Возвращая антропологию в славистику” (2006. № 1).